кренних сыновъ Церкви. Жизнь даетъ намъ горькіе уроки, и Толстому суждено было стать орудіемъ такой исторической кары. И поэтому намъ надо отнестись къ происшедшему не съ фанатическимъ ожесточеніемъ, а съ строгой самопровѣркой и чувствомъ исторической отвѣтственности. Но больше всего приходится жалѣть самого почившаго, которому такъ и не удалось прорваться за магическій кругъ враждебности къ Церкви,—увы!—имъ самимъ около себя очерченный...

III. Человѣкъ и художникъ.

Толстой былъ великимъ художникомъ слова, и, какъ таковой, долгое время онъ естественно считалъ высшимъ призваніемъ своимъ служеніе искусству. Но когда онъ вступилъ на путь новаго, религіознаго самоопредѣленія, предъ нимъ стала задача, высшая, чѣмъ это служеніе, онъ почувствовалъ, что отнынѣ онъ долженъ перестроить свою жизнь, стать художникомъ своей собственной души. И передъ этой религіозной задачей, которая одинаково становится предъ всякимъ, въ комъ совершилось религіозное пробужденіе, независимо отъ степени одаренности, и его художественный даръ, страшный своею отвѣтственностью, долженъ былъ стать подъ религіозный самоконтроль, сдѣлаться орудіемъ Высшей Воли. Человѣческое попрежнему стремилось идти своимъ собственнымъ путемъ, но божеское искало подчинить себѣ это человѣческое. Жизнь превратилась въ аскетическое противоборство этихъ двухъ началъ. Религіозная личность вступаетъ въ борьбу съ человѣческой геніальностью и усиливается либо поднять ее до себя и растворить въ себѣ, либо совсѣмъ умертвить. Такую аскетическую драму мы не разъ наблюдаемъ въ жизни величайшихъ художниковъ: Гоголь, Достоевскій, Толстой, художникъ Ивановъ, не говоря о нашихъ современникахъ.

Художникъ, пока живетъ въ счастливой непосредственности и наивности своего творчества, „поетъ какъ птица, живущая въ зеленыхъ вѣтвяхъ“, поетъ, пока поется и потому что поется. Онъ отдается при этомъ стихіи своего таланта и несется съ нею, куда влечетъ его вольное вдохновеніе. Онъ или смѣется молодымъ, заразительнымъ смѣхомъ, или радуется красотѣ міра и его краскамъ, или заноситъ свой сатирическій бичъ, отнюдь не подвергая